

щепенцем, работник стал тогда, когда, во многом, уже **перестал** им быть. Итак, кризис демократіи, в извѣстной мѣрѣ, слѣдствіе недоразумѣнія. Кромѣ того: о **какой** демократіи идетъ рѣчь? Молнье говоритъ о Демократіи вообще, но вниманіе его направлено, главнымъ образомъ, на Францію. Однако, все-ли, что характерно для одной демократіи, характерно и для любой другой? Развѣ идеологія и настроенія англійскаго трэд-юніонизма тѣ же, что идеологія и настроенія СЖТ? И не показываетъ-ли современное развитіе Англии, что преодолѣніе «націонализма», «буржуазнаго консерватизма», возможно в рамкахъ демократіи? Молнье самъ доказываетъ, что причина всѣхъ нынѣшнихъ золъ не в достиженіяхъ современной цивилизаціи, а в неумѣніи **пользоваться** ими. Не приложимо-ли то же самое и къ демократіи? И это тѣмъ болѣе, что демократія едва-ли не единственный изъ режимовъ, чья структура такова, что онъ **способенъ** эволюціонировать вмѣстѣ с жизнью.

П. Биццали.

A. Ciliga. — Au Pays du Grand Mensonge. — Problèmes et Documents. — N.R.F. Gallimard. — 1938.

Годъ тому назадъ появилась на нѣмецкомъ языкѣ книга виднаго австрійскаго коммуниста Вилли Шламма подъ названіемъ — «Диктатура лжи». Другой бывший коммунистъ и одинъ изъ б. руководителей Исполкома коминтерновскаго — Б. Суваринъ содержаніе всей коммунистической дѣятельности сейчасъ изображаетъ, какъ всепроникающую и безпредѣльную ложь. Такъ же думаетъ нынѣ и Андрэ Жидъ: «В странѣ великой лжи» озаглавлена и книга, только что выпущенная А. Цилигой, бывшимъ членомъ коммунистическаго Политбюро Югославіи, члена балканскаго бюро Коминтерна, секретаря компартіи Кроаціи и проч., и проч.

Заглавіе книги было выношено и рождено еще в Россіи, в процессѣ 10-лѣтняго тамъ пребыванія, сначала в рядахъ правящей верхушки, а потомъ длительнаго тюремнаго заключенія, ссылки, мучительныхъ голодовокъ и покушенія на самоубійство. Авторъ приводитъ несчетное число примѣровъ всеобщаго и сплошнаго обмана, выдаваемого в СССР за истину. Тамъ же, в совѣтской Россіи, вычиталъ авторъ и, удержавъ в памяти, взялъ эпиграфомъ къ своей книгѣ слова Баъзака — «У народныхъ революцій нѣтъ болѣе жестокихъ враговъ, чѣмъ тѣ, кто поднялся на ихъ спинѣ»...

Воображеніе юнаго идеалиста, хорвата по происхожденію, итальянца с 1918 г. по паспорту, философа по образованію и историка по профессіи, соблазнилось призракомъ красной страны, родины всѣхъ трудящихся и строящагося социализма. В итогѣ пережитаго Цилига пробуетъ дать отчетъ — себѣ и другимъ, — «какъ это случилось, что по формѣ, на словахъ, в Россіи все какъ будто идеально, а по существу — отвратительно?» «Отвращеніе» автора тѣмъ болѣе поучительно, что, разочаровавшись в совѣтскомъ «опытѣ», ради «изученія» котораго онъ и отправился в Россію, Цилига не разочаровался в своемъ влеченіи къ свободѣ и справедливости и не отрекся ни отъ революціи, ни отъ социализма.

Со многим, очень многим в книгѣ Цициги трудно согласиться. Русскаго читателя не может не оттолкнуть подход иностранца к Россіи, как к опытному полю соціального совершенствованія. Русский интеллигент, в подлинном смыслѣ этого слова, никогда не примет взгляда, будто сегодняшняя Россія и есть «ея царство, царство интеллигенціи». Утверждая это, Цицига впадает в то же заблужденіе, что и Ивон (см. предыдущую книгу «Русск. Зап.»): в справедливом отталкиваніи от бездушности — бюрократическаго совѣтскаго аппарата, он отождествляет бюрократію с совѣтскими «нурвишами» и «спецами» — интеллигентами и в этих послѣдних видит главное зло всей системы, «На шеѣ русских рабочих и крестьян сидят теперь не буржуи и помѣщики, а бюрократы и интеллигенты» — с тѣм единственным отличіем от первых, что они «при этом ссылаются не на Христа, царя и частную собственность, а на Маркса — Ленина, совѣтскій строй и государственную собственность».

Причину того, что «существо» всего строя — отвратительно, автор усматривает в том, что Ленин «отнял у пролетаріата заводы», и совѣтская бюрократія и интеллигенція получила тѣм самым возможность «отнять у пролетаріата власть». Надо ли говорить, что изъятіе фабрик и заводов из рук нынѣшних их заправил для передачи рабочим означало бы лишь замѣну одних привилегій и диктатуры, партійно — политической, другой — синдикально — хозяйственной?!

За всѣм неприемлемым, в книгѣ Цициги очень много чрезвычайно интереснаго и политически поучительнаго. Автор умѣл наблюдать, слышать, видѣть, запоминать. Сумѣл он и передать в живой формѣ плоды своих горестных замѣт. Он правдиво и искренне рассказывает о том, чему судьба — и русскіе большевики — его поставили свидѣтелем.

Чувства и мысли, вынесенныя Цицигой в результатѣ его опыта, не являются, конечно, его индивидуальным достояніем. По частному поводу он остроумно замѣчает: «вѣдь именно потому, что вся Россія так думает, так ощущает, эта мысль преслѣдуется безпощадно, и никто не смѣет ее публично высказать». Цицига того мнѣнія, что судьба русской революціи в ея существѣ «уже рѣшена» — «дальнѣйшій ход событий в Россіи на нѣкоторое время возможен только вправо»: «силы революціи — львыя силы — исчерпали себя».

Покинуть страну великой лжи Цицигѣ не помогли ни голодовки, ни протесты, ни покушеніе на самоубійство — он перерѣзал себѣ вены бритвой. Своим спасеніем он обязан наличности у него иностраннаго паспорта — фашистской Италіи. Послѣ нѣкоторой «кооперациі», установившейся было между фашистскою властью и ГПУ, послѣднее вынуждено было все-таки уступить: тиски разжались, и Цицига обрѣлъ снова свободу мысли и слова «в гуманном, Марк - Авреліевском режимѣ, умирающаго Рима — во Франціи Леона Блюма»!...

При всей мрачности нарисованной Цицигой картины, нельзя все же не ощутить нѣкотораго удовлетворенія от сознанія, что, как ни мо-

жен аппарат террористической диктатуры, но и он бывает вынужден отступить перед пробивающейся наружу правдой.

Очень рекомендуем книгу Цилиги. Кто не владеет французским языком, может ознакомиться с отрывком из работы Цилиги, напечатанным в только что вышедшей книгѣ «Совр. Записок».

М. Вишняк.

Bertrand Gauthier. — La C.G.T. soviétique. Bureau d'éditions.
1938 г., стр. 134.

Нужно 22 миллиона человек, занесенных в списки советских проф. союзов, влить в Интернациональную Федерацию Синдикатов (в ней 20 миллионов членов), опираясь на советское большинство, обезпечить себя главенство в руководствѣ мировым синдикализмом и направить его по руслу политики, проводящейся Москвой. Такова директива и воля Сталина. Готье, выполняя заказ, доказывает, что вхождение советского синдикализма в Интернациональную Федерацию должно произойти возможно скорѣе, и возражать против него могут лишь «враги трудящегося народа». Читая Готье, действительно, начинает казаться, что нѣтъ и не может быть никаких возражений против слиянія европейского и славного русского синдикализма. Советские союзы идеальны. Это настоящія, проникнутыя духом возвышеннаго социализма и морали, рабочія организациі. Их руководители тоже идеальны. Проф. союзы совершенно свободны и независимы от государства. Советской власти пришлось вести очень энергичную борьбу против тѣх, кто, как Троцкий, хотѣли, чтобы синдикаты были порабощены государством» (стр. 8). «Это Троцкий и его свита, в угоду тоталитарности, хотѣли подчинить синдикаты государству, превращая их в бюрократическую и почти милитаризованную машину» (стр. 13). Сталин держится в этом отношении советѣм другой политики. Недаром начертанная им конституція в параграфѣ 126 предоставляет полную свободу профессиональным организациям. «Двери советской С. Ж. Т. открыты для всѣх рабочих и служащих. Каждый свободен вступить или не вступить в проф. союз. Ни от кого не требуют клясться программой большевистской партіи или отрезаться от своих религиозных убѣждений» (стр. 14).

Иконографія советскаго синдикализма составлена Готье в столь убѣжденных тонах, что она должна казаться правдой тѣм, кто не знает и не хочет знать, что великій СССР есть страна великой лжи. На советскую территорию книжку Готье пускать все-же нельзя. За мысль о свободных синдикатах там сажают в тюрьму или разстрѣливают. Это, вѣдь, теорія «контр - революціоннаго буржуазнаго трѣд - юніонизма» и «фашизма» Томскаго. Нѣкоторыя страницы книжки Готье весьма занимательны, в особенности тѣ, гдѣ он говорит о социальном страхованіи. «Советской рабочей», — пишет он, — «имѣет пособія на случай болѣзни, пенсіи, санаторіи, курорты, ясли, дѣтскіе дома, дома отдыха, гимнастическіе стадіоны, всѣм пользуется и **ничего** не тратит на это из своего бюджета. Реализациі СССР в этой области превосходят самыя